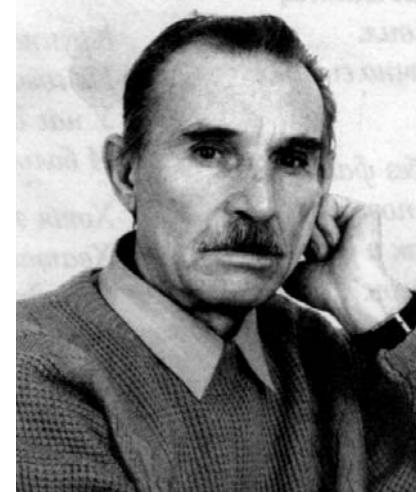

Михаил ТУРБИН**ВЫСОКИЙ ГРАДУС**

О, сколько было на крови
Благих порывов, мать честная!
Как будто ненависть любви
Вела к вратам земного рая.
Но был же, был же свет во

мгле:

Шли все уверенней,
свободней...

Да оказались в преисподней —
В огромном рыночном котле.
Кипим страстями запоздало
За все безбожные дела.
Язык чернеет, здравых мало
В высоком градусе котла.
Какой накал, какая ярость!
Но в суете кипим, кипим...
Должна же ненависть, как дым
Сойти, чтобы любовь осталась.

РАЗДУМЬЕ

Годы-невзгоды, раздумий
разливы,
Зерна надежды в горсти.
Сколько же Родине нужно
счастливых,
Чтобы себя обрести?

Чаще встречаются хмурые
лица,
Что не дружны меж собой.
Перед какою бедою сплотиться,
Встать монолитной стеной?

Вызовы есть, а ответы — негожи
Или не те иногда.
Сил маловато... И все же, и все же:
Кто нас сплотит и когда?

«Русские!» — слышится реже и
реже.
Сузился отчий простор.
Кто-то смыкает лукавые вежды,
Русских не видит в упор.

«Воля слаба, а свобода спесива»...
Нужен от слов передых.
Мало счастливых среди
счастливых —
Больше бы тех и других.

НА ОТЦОВЩИНЕ

Пахнет веками овражная глина,
Сыплется свежая, словно для
памяти...
Вот она Родина! — та, что не
сгиба,
С куполом храма на древнем
фундаменте.

Тонет в садах городская окраина,
Вынырнуть хочет среди
перелесков

Владимир ПЕРЕВЕРЗЕВ**ДЕРЕВУШКА**

Словно осторожно рукою
Кто-то тронул сонные дома,
И за вечереющей рекою
Прокатились тихие грома.

Далеко, как будто бы телегу,
Тяжело нагруженную, вброд,
По камням в преддверии
ночлега

Конь уставший медленно везет.
Я люблю грозу, но умолкает
Дальний гром, все дальше

за рекой
Молния беззвучная сверкает
Тютчева таинственной

строкой.

Эти грозы даже на мгновенье
Никогда уже не полыхнут.
Капли одинокие прозренья
На поля бесплодно упадут.

Вот и все, и снова сторонаю
Грозовая туча обойдет,
Разве что придавит тишиною,
Разве пыль на большаке

прибьет.

Вместе с грачами, которых
надраила
Кремом сапожным до яркого
блеска.

Рядом завод напряженно
рокочет,
Дышит станками на полную
мощность.
Здесь я когда-то трудился
рабочим,
Утром вливался в чумазую
общность.

Общность надёжную
в радостях-бедах.
Зря говорят, что исчезла,
разбита...
Зря ли схлестнулись до полной
победы
Дух трудолюбцев и дух
паразитов?

Бой продолжается — вижу по
лицам:
Стало улыбок побольше, чем
хмури.
То ли Христос растворяется в
ливенцах,
То ли расчетливый, хитрый
Меркурий?

— «Кто мы? Откуда?» —
несётся нередко
Глупость вопросов в газетном
разливе.
Лично я знаю по собственным
предкам:
Русским родился и родом из
Ливен.

Сыплется глина могильная
прятко,
Память тревожит душевные
раны...
Малая родина — сердцу
подпитка —
Воздух вдыхаю, как прежде
заманный.

Разве выйдет на порог
старушка
В темном пламенеющем
платке,
Чтобы вместе с тихой
деревушкой
Долго плыть по медленной
реке.

Андрей ФРОЛОВ**ХОРОШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ**

Слава Богу, что он еще молод!
Значит, много успеет еще.
В изнуряющий, мертвенный
холод
Кто-то скажет о нем:

«Горячо...»

А пока в легкомысленной кепке,
В длиннополом плаще
нараспах
Он шагает — движения крепки,
Отражается небо в глазах.

Безмятежно расправлены
плечи,
И спокойна широкая грудь.
Он покуда никем не замечен,
Он еще только начал свой

путь.

ИНОСКАЗАНИЕ**СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ
ПО-КАВКАЗСКИ**

Раньше мопсистый Михрюта-сукашили от Иванища ни на шаг. Получал большие куски, клялся в дружбе. Носил в зубах виноградную ветку, гортанно и преданно выл:

— Мы пьём с Ваньцом вин-
цо с воньцой...

Но когда из-за бугра потя-
нуло сладким, Михрюта без
разумий побежал на запах.

Ушёл и ушёл, шут бы с ним.
Да только скоро мопс явился.
И не хухры-мухры, а с бума-
гой от другого хозяина.

Бумага говорила, что по-
лукровный мопс теперь вполн-
е сам по себе и подготовлен
работать собакой в горвольре-

ре. Учили его, как оказалось,
целево. Показывали план
Иванова двора и приказы-
вали:

— Голос!

Мопс лаял, сучил ногами и
сучился. Входил в такой раж,
что вывернутые губы кривило
судорогой. Знал: за бугром
корят хороши.

За старания посадили его
на самую передовую службу.

Он не подвёл, бдил. Взду-
мает кто-то выскочить из гор-
вольера — у Михрюти-
ки аж пена по беспородной

морде. Визга, воя!

Такого дипломированного
скушвили можно б уважать,
если бы он лишь из хозяйствских
рук куски брал. Ах ведь загла-
тывает от всех, кто подаст.

И особенно сочные куски
требует у тех, кого облави-
ает.

А больше всего он гавкает,
как приказано, — на соседа
Ивана. Тот сильно забугорью
мешает.

Угрюмый Иванище ши-
рок в плечах, вохловат в хо-
зяйстве и подставляет шта-
ны для укусов любой шавке. А
главное, ворота на засовы ни-
когда не запирает: бери с его
двора сколько хочешь и свой,
и чужой.

Мопс, спущенный с цепи в
ночь, тоже по-соседски жив-
ился: то плохо лежащей са-
харной косточкой, душистой,
как газовый платок, то саль-
ным шматком, мерцающим,
как электричество.

Ухватит, выскочит, сожрёт
— и полает на тёмное окно.
Да ещё и глаза в达尔 скосит:
хозяин на том краю слышит
ли, как он тут молчаливого
Иванища костерит?

Но вдруг случился у Вани
крупный взлом. Какие-то шака-
логи — может, даже из горво-
льера — прогрызли в амбаре
дыру да сквозь неё и стащили
ближние ухороны. Как раз те,
о которых мопсляра давно
мыслил, считал чуть ли не
своими.

Не стало ему мниться ни
газом, ни электросветом. Го-
лодно и холодно, а новый хо-
зяин далеко. Тому этот горис-
тый вольер затем только и
нужен, чтоб Иванища уесть.

Ладно, сейчас послужим.

— Это Иван сам свой ам-
бар продырявил! — лает Мих-
рюта и оглядывается, ждя
похвалы.

За бугром тишина.

— Блокада, саботаж, пору-
шение прав человека и соба-
ки!

Тишина.

«Что же ты, хозяин? — вы-
тряхнув блоку из уха, сказал
про себя Михрюта. — Я как
ты учил кричать.

Но делать нечего, надоно
продолжать. Зябко уминая
лапами снег, набрал воздуху
и отчаянно выдал на самой
высокой ноте:

— Это Иванище насыпает
на всех морозы!

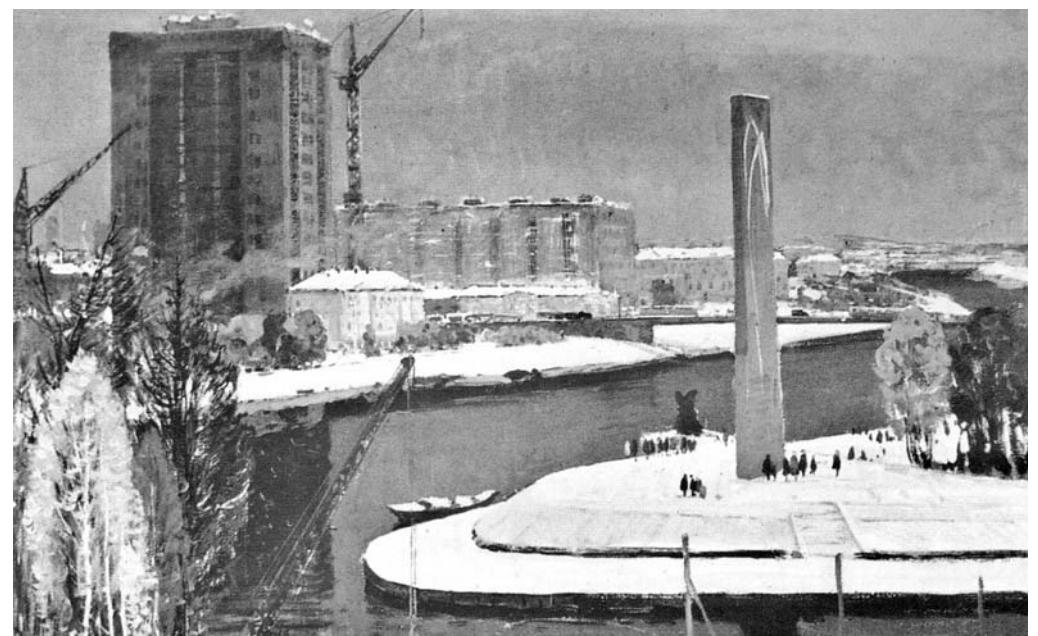
Бесполезно. Кто будет та-
кую откровенную дурь соба-
чью слушать?

«Кажется, сморозил... Как
бы не турнули, вах. Придётся
потом снова петь про винцо с
воньцой...», — тоскливо по-
думал мопсина.

И ведь спел бы. Да Иван,
дурень, слишком быстро за-
делал в амбаре искорёжен-
ную дырявую стену. Честный,
вишь ты, — знает, что без его
тёплых ухоронок все ворова-
тые шавки в округе передох-
нут.

А что Михрюта? А про-
должает сыто гавкать из
обогретого вольера.

Ну ничего, всё равно за-
пойёт.

Юрий ОНОПРИЕНКО.**ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ****ЗИМА И ЛЕТО**

Поезд пригородной зоны
Засверкает, как этаж
Новостройки освещенной.

Снег летит на лес и пляж.
Никого на дачах нету,
Тишина звенит в ушах.

Эта белая планета
В двух от города шагах.
В трех от города минутах

Ничего не узнаю —
Все белым-белы, как будто
Я у света на краю.

Замело сыпучим снегом,
Ветром дунув, унесло
Всё, что здесь под синим небом

Летом пело и цвело,
Магнитолами гремело
У веселых теремов.

Снег летит спокойный, белый,
Как забвение само.
Вот оно какого цвета!

Край какой? Который век?

Ничего на свете нету,
Только белый, белый снег.

Александр ЕЛЕСИН.
Ветеран труда.
г. Мценск.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Отсверкали молнии салютом,
Сильный дождь по крышам отстучал.
Как на тонких стропах парашюта,
Мир висит на солнечных лучах.

Истончаясь, тают, тают тучи,
Небо снова стало голубым.
Сад теперь умытый и пахучий,
И туман плывёт, как лёгкий дым.

Соловьи поют, не умолкая;
И в душе рождаются стихи —
В них шептанье трав, напевы мая,
Тихий стон надломленной ольхи...

Анатолий БОГАТЫРЁВ.
г. Орёл.